

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 4 | Суббота 25 января (7 февраля) 1903 г. | № 4

Голодъ въ Бретани, во Франціи.

Типы и виды Бретани.

1) Молодая бретонка. 2) Молодыя торговки. 3) Музыканты, играющіе на волынкѣ. 4) Старый рыбакъ на работѣ. 5) Рыбакъ въ воскресный день. 6) Отправленіе на ловлю сардинокъ. 7) Жены рыбаковъ ожидаютъ возвращенія барокъ. 8) Барки въ гавани въ воскресный день. 9) Раздача пищи голодающимъ жителямъ Бретани.

Голодъ въ Бретани.

Въ Бретани большой кризисъ: внутри страны сильная нужда, а по побережью голодъ. Таковы печальныя вѣсти, которыя приходятъ изъ „древней Арморики“ въ столицу. И Парижъ не остается глухимъ къ страданіямъ бѣдныхъ бретонцевъ. Въ окрестности Бреста, Кенпера, Сенъ-Бріе и на взморье откомандированы чиновники различныхъ министерствъ и сотрудники главныхъ парижскихъ газетъ. Изучаются причины общаго кризиса въ Бретани и спѣшно организуется казенная и общественная помощь голодающимъ. Отъ недавнихъ смутъ и волненій изъ-за католическихъ конгрегацій какъ будто и слѣда не осталось; партійныя и религіозныя разногласія уступили мѣсто національной солидарности и братской привязанности. Нужды нѣтъ, что Бретань—совсѣмъ обособленный край, что бретонцы—отдѣльное племя, далеко отставшее отъ остальной націи и живущее собственной жизнью, коснѣя въ невѣжествѣ и приверженности къ затхлой старинѣ; они принадлежатъ къ французской семьѣ, и парижане относятся къ нимъ, какъ къ младшимъ братьямъ, имѣющимъ право на матеріальную и моральную поддержку въ случаѣ бѣды.

Съ своей стороны, и бретонцы, которые въ настоящее время всѣ свои надежды возлагаютъ на столицу и остальную провинцію, и въ иныя времена, какъ въ періоды матеріальнаго благосостоянія, такъ и въ дни гражданскихъ междоусобицъ, чувствуютъ себя тоже французами и не отрекаются отъ общаго отечества. Даже въ эпоху великой революціи они не думали отложиться отъ Франціи, и если они поголовно возстали и съ оружіемъ въ рукахъ долго боролись тогда противъ центральнаго правительства, то въ надеждѣ возстановить власть короля и церкви не для одной Бретани, но для всей Франціи. Есть, правда, въ Бретани кружки мѣстной интеллигенціи, которые стараются установить правильныя сношенія съ сородичами бретонцевъ въ Ирландіи и Уэльсѣ, но это „панкельтическое“ движеніе не имѣетъ ничего общаго съ духомъ политическаго сепаратизма.

Бретань—край очень бѣдный: здѣсь нѣтъ почти никакой фабричной промышленности, и, кромѣ земледѣлія; для жителей внутреннихъ мѣстностей, главнымъ источникомъ существованія для мѣстнаго населенія является морской промыселъ. Нѣтъ, кажется, бретонца, который въ послѣднемъ не былъ-бы заинтересованъ, прямо или косвенно. По всему побережью полуострова, изрѣзаннаго безчисленными заливами и бухтами и омываемаго съ трехъ сторонъ океаномъ, населеніе занимается исключительно рыбной ловлей, а подальше отъ берега работаютъ заводы рыбныхъ консервовъ. Главный уловъ бретонскихъ рыбаковъ составляетъ скумбрія (thon) и сардинка; обѣ эти породы рыбъ отсюда расходятся въ консервахъ по всему міру. Но доходность рыбнаго промысла крайне измѣнчива и поэтому матеріальное положеніе населенія Бретани подвергается частымъ колебаніямъ.

Въ маѣ прошлаго года только объ этомъ и было рѣчи въ Брестѣ, когда мэры ближайшихъ департаментовъ Финистеры и Морбигана собрались проводить президента республики, отправлявшагося въ Россію. На пріемѣ въ префектурѣ представители генеральныхъ совѣтовъ этихъ департементовъ указали г. Эмилю Лубэ на чрезвычайно тяжелый кризисъ, который нарождался въ морскомъ промыслѣ, и просили о покровительственныхъ мѣрахъ со стороны правительства.

На банкетѣ мэровъ въ честь президента республики я разговорился съ представителями нѣсколькихъ рыбныхъ поселеній, привлекавшихъ вниманіе своими особенно живописными костюмами.

— Дѣла плохи, сказали они въ отвѣтъ на обязательный вопросъ на этотъ счетъ. Сардинка убываетъ, а rogue дорожаетъ.

Rogue — это спеціально обработанная тресковая икра, которая служитъ для приманки сардинки и привозится изъ Норвегіи.

— Вотъ, вы бы посѣтили насъ, гг. журналисты,—предложили они,—и посмотрѣли, какъ намъ трудно живется.

Это предложеніе было принято нѣсколькими коллегами, которые были рады совершить экскурсію и заодно сдѣлать удовольствіе бретонцамъ, которые такъ убѣжденно признавали силу печати. И на другое утро послѣ отъѣзда президента республики мы отправились на пароходѣ въ Дуарнене, небольшой портъ южнѣе Бреста.

Настоящій кризисъ какъ разъ именно здѣсь чувствуется всего сильнѣе и сюда направляется теперь значительная часть пожертвованій, прибывающихъ изъ Парижа для бретонскихъ рыбаковъ. Дуарнене дѣйствительно главный центръ „сардинщиковъ“ (sardiniers). Здѣсь у выхода изъ глубокой бухты, baie de Douarnenez, ловится всего больше сардинки, а кругомъ городка работаютъ многочисленные заводы рыбныхъ консервовъ. Теперь же почти всѣ эти заводы закрыты, а изъ 1200 рыбачьихъ барокъ, которыя приписаны къ этому порту, едва-ли сотня продолжаетъ „работать“ и выходить въ море. Морская глубина какъ будто опустѣла, она ничего больше не даетъ, и сѣти вытаскиваются почти „безжизненными“. Мэры Дуарнене и сосѣднихъ поселеній предвидѣли такой дурной сезонъ и жаловались намъ на равнодушіе мѣстной администраціи къ ихъ интересамъ. Дѣло въ томъ, что они недостаточный уловъ сардинки объясняютъ двумя разными причинами: съ одной стороны, искусственнымъ поднятіемъ цѣнъ на rogue и хищнической эксплоатаціей моря нѣкоторыми пришлыми предпринимателями.

Тресковая икра, которая служитъ приманкой для сардинки, бываетъ разныхъ сортовъ, но долгая практика доказала бретонскимъ рыбакамъ, что только норвежская, и именно икра, обработанная извѣстнымъ способомъ въ городѣ Бергенѣ, достигаетъ цѣли. Пробовали пускать въ ходъ тресковую икру американскую, а также сдѣланы были опыты съ суррогатомъ, приготовленнымъ изъ остатковъ, получаемыхъ при фабрикаціи консервовъ, но сардинка по прежнему поддавалась только на норвежскую икру. А этого рода rogue въ Бергенѣ имѣется ежегодно лишь сравнительно ограниченное количество, которое зависитъ тоже отъ измѣнчивыхъ мѣстныхъ условій, и цѣны на этотъ необходимый „сардинщикамъ“ продуктъ, сильно колеблются. Посредники-импортеры всегда пользуются положеніемъ и искусственно повышаютъ цѣны до крайнихъ размѣровъ. Бочка стоитъ то 40 фр., то 150 фр. Между ними существуетъ нѣчто вродѣ треста, и всѣ старанія бретонскихъ рыбаковъ освободиться изъ-подъ ихъ власти остались тщетными. Синдикаты рыбаковъ желали выписывать rogue непосредственно изъ Бергена и даже посылали туда агента, но тамъ предпочитаютъ имѣть дѣло съ импортерами и продавать имъ каждый годъ весь продуктъ оптомъ. Бретонцы требуютъ вмѣшательства судебной власти, такъ какъ стачка между посредниками и захватъ какого-либо продукта для искусственнаго повышенія цѣнъ представляетъ по уголовному кодексу наказуемое дѣяніе, но прокуратура ихъ доводовъ не слушается.

Хищническая эксплоатація моря производится прежде всего поставщиками химическихъ заводовъ, которые извлекаютъ изъ воды морскую растительность безъ системы, внѣ сезона, безъ особой пользы для себя, нанося непоправимый вредъ рыбакамъ. Когда нѣтъ достаточно этой растительности, сардинкѣ негдѣ метать икру и она уходитъ къ другимъ берегамъ. Крайне вредны также въ этомъ отношеніи конкурренты бретонскихъ рыбаковъ: предприниматели, занимающіеся ловлей сардинки у береговъ Бретани съ пароходовъ особой системы сѣтями, которыя разрываютъ и портятъ всю растительность на своемъ пути.

Пеняютъ бретонскіе рыбаки и на Гольфстремъ, который часто мѣшаетъ сардинкѣ въ ея привычкахъ; но тутъ уже правительственную власть, разумѣется, ни въ чемъ винить нельзя. Страдаютъ они кромѣ того и отъ слишкомъ богатаго улова, когда сардинки оказывается слишкомъ много. Цѣны тогда дѣйствительно падаютъ такъ низко, что едва окупаютъ расходы на тресковую икру, на снаряженіе барки, на сѣти. Словомъ, положеніе сардинщиковъ въ Бретани всегда крайне измѣнчивое, и поэтому то всякій кризисъ въ морскомъ промыслѣ вызываетъ здѣсь полную нищету. И нищета эта тѣмъ болѣе ощутительна, что бретонцы, въ отличіе отъ настоящихъ французовъ, народъ крайне плодовитый, и что у нихъ въ рѣдкой семьѣ меньше 6—7 дѣтей.

Сардинщики ведутъ крайне тяжелый, суровый образъ жизни. Въ періоды рыбной ловли они шесть дней въ недѣлю проводятъ въ открытомъ морѣ. На ихъ утлыхъ суденышкахъ нѣтъ даже того примитивнаго комфорта, въ которомъ не отказываютъ арестантамъ плавучихъ морскихъ тюремъ; у рыбаковъ нѣтъ ни матрацовъ, ни гамаковъ и они спятъ на жесткихъ скамьяхъ, на холодѣ и на вѣтру. Питаются они всю недѣлю вареной рыбой и хлѣбомъ, слегка намазаннымъ низшаго сорта саломъ. Отправляются они въ воскресенье ночью въ открытое море и возвращаются къ молу порта на другой же день къ вечеру, но лишь для того, чтобы сдать свой уловъ, прочистить свои сѣти, забрать новый запасъ приманки для сардинки и провіанта для себя, чтобы пуститься затѣмъ обратно. Возвращенія барокъ каждый вечеръ на молѣ ждутъ жены рыбаковъ, которыя ведутъ переговоры съ скупщиками. Чѣмъ мельче сардинки, тѣмъ больше за нихъ платятъ, такъ какъ крупные экземпляры неудобны для консервныхъ фабрикъ; цѣны за тысячу колеблются отъ 1 до 70 франковъ, смотря по сезону, по обилію рыбы въ ближайшихъ водахъ. Слишкомъ богатый уловъ является бѣдствіемъ для сардинщиковъ; что же касается потребителей, то для нихъ стоимость сардинокъ, особенно въ консервахъ, остается безъ измѣненія: коробки въ 7—8 штукъ перваго сорта—90 сант., второго сорта—50—60 сант.

— Если государство не придетъ скоро на помощь нашимъ рыбакамъ,—сказалъ намъ мэръ Дуарнене,—то ему придется кормить ихъ въ концѣ концовъ на средства казны. Вѣдь не позволитъ же Франція дать бретонцамъ умереть съ голода, а собственными средствами они существовать больше не могутъ, пока не измѣнятся условія ихъ тяжелаго труда.

Покровительственныя мѣры, которыхъ ожидаютъ бретонскіе рыбаки, должны заключаться въ субсидированіи рыбачьихъ синдикатовъ, въ урегулированіи работы пришлыхъ предпринимателей, въ прекращеніи стачки импортеровъ тресковой икры, въ сокращеніи эксплоатаціи рыбаковъ скупщиками и фабрикантами. Когда рыбакамъ придется считаться только съ капризами самой сардинки и съ варіаціями Гольфстрема, тогда имъ, можетъ быть, станетъ легче дышать.

Парижъ,
въ январѣ 1903 г.

Е. Дмитріевъ.

При дворѣ марокскаго султана.

(Разсказъ очевидца).

Уже послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Фецѣ, когда интересъ къ необычайной обстановкѣ окружающаго охладѣваетъ, иностранецъ обыкновенно начинаетъ тамъ скучать и томится въ пустомъ, оригинальномъ домѣ, построенномъ въ мавританскомъ вкусѣ, который султанъ Мулей-Абдулъ-Азисъ обыкновенно предоставляетъ въ распоряженіе пріѣзжихъ, посѣщающихъ столицу по его приглашенію. Непоборимая тоска, которая лежитъ тамъ на всемъ, дополняетъ остальное, и пріѣзжій благословляетъ послѣобѣденные часы, если ему удается провести при дворѣ султана; а приглашаютъ туда всѣхъ европейцевъ хотя бы и съ маленькимъ вѣсомъ. Тамъ можно немного развлечься и поболтать, хотя возбуждающихъ политическихъ бесѣдъ тамъ не ведутъ и больше всего играютъ въ лаунъ-теннисъ, что особенно любитъ самъ султанъ. Европейцы собираются обыкновенно около пяти часовъ на внѣшнемъ дворѣ дворца „Бцелюдъ", куда султанъ переселился изъ своего главнаго дворца „Даръ-магизена" (т. е. дома правителя страны) по предписанію врачей, такъ какъ послѣдній расположенъ вблизи загрязненной рѣчки, — чтобы тамъ отдохнуть за пріятной бесѣдой послѣ сытнаго обѣда у приближеннаго султана, англичанина Гарри Моклеана.

Скоро появляется и султанъ. Когда я его впервые увидѣлъ, я былъ сильно разочарованъ. Вмѣсто одного изъ тѣхъ дѣйствительно пріятныхъ лицъ, которыя такъ часто обращаютъ на себя вниманіе на улицахъ Феца, я увидѣлъ суровое лицо мулата, не лишенное извѣстной доли симпатіи, но во всякомъ случаѣ не притягивающее къ себѣ. Султану всего 21 годъ отъ роду, но смотритъ онъ по крайней мѣрѣ лѣтъ сорока. Движеніемъ руки онъ пригласилъ всѣхъ снова занять свои мѣста, а мнѣ указалъ мѣсто возлѣ себя. Такъ какъ онъ говоритъ только по-арабски, то пришлось бесѣдовать черезъ переводчика. Онъ особенно заинтересовался моимъ туалетомъ, о каждой части его разспрашивалъ — почему это такъ, а не иначе, и все время съ явной завистью смотрѣлъ на мой дѣйствительно не въ мѣру высокій воротничекъ. Онъ увѣрилъ меня, что завтра и онъ одѣнется по модному, и на другой день мы увидѣли султана въ ярко-красномъ жилетѣ съ золотыми пуговицами и высокомъ бѣломъ воротничкѣ, которые онъ гордо носилъ въ сочетаніи съ частями арабскаго костюма.

Эта любовь къ подражанію сквозитъ во всѣхъ начинаніяхъ султана. Ибо, что, въ сущности, представляютъ собою пріобрѣтенія европейской культуры, изъ-за которыхъ въ странѣ теперь вызваны серьезныя военныя осложненія? Въ Европѣ вѣрятъ, что султанъ своего рода мученикъ за свои убѣжденія, и думаютъ, что это необыкновенный человѣкъ, который во имя западно-европейской культуры готовъ пожертвовать трономъ и жизнью. Но совершенно иначе все это представляется тому, кто имѣлъ возможность лично ознакомиться съ дѣятельностью султана. Прежде всего меня поразила цѣлая куча разноцвѣтныхъ дѣтскихъ колясокъ въ одномъ изъ сараевъ дворца. Доставка ихъ въ Фецъ несомнѣнно поглотила много тысячъ рублей. Два французскихъ пиротехника ежедневно выгружали цѣлые вагоны факеловъ и фейрверковъ, которые были предназначены для вечерняго развлеченія его султанскаго величества, а дюжина дорогихъ автоматическихъ піанино лежали совершенно заброшенными въ погребѣ. Въ Фецѣ мнѣ пришлось видѣть самые дорогіе автомибили, но и самыя скверныя дороги и мостовыя. Послѣднее лучше всего характеризуетъ руководящее начало во всѣхъ султанскихъ предпріятіяхъ. На первомъ планѣ поставлено легкомысленное стремленіе удовлетворять свои минутныя желанія, и я увѣренъ, что султанъ совершенно не думаетъ, что идеи его принесутъ благополучіе странѣ. Невольно чувствуешь, что этотъ человѣкъ въ глубинѣ своей души еще слишкомъ преданъ мавританскимъ взглядамъ, ихъ древней культурѣ и отсталому консерватизму своихъ предковъ. Только благодаря случаю онъ вышелъ нѣсколько изъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ протекла жизнь его предковъ. Онъ былъ плѣнникомъ великаго визиря до своего восемнадцатилѣтняго возраста. Когда старикъ умеръ, Мулей-Абдулъ-Азисъ достигъ трона и приблизилъ къ себѣ англійскаго офицера Гарри Моклеана, прослужившаго раньше около 25 лѣтъ на Гибралтарѣ и преклонившаго свои колѣни передъ новымъ правителемъ Марокко. Султанъ обратилъ вниманіе на длинныя сапоги офицера, одѣтаго на половину по-европейски, на половину по-арабски, и быть можетъ, именно эти сапоги впервые вызвали въ султанѣ желаніе подражать европейцамъ. Моклеанъ своими разсказами еще болѣе возбуждалъ въ султанѣ это чувство, и въ страну начали проникать всякаго рода англійскія развлеченія и забавы: лаунъ-теннисъ, кинематографы, воздушные шары и пр.; появились англійскіе матеріалы, англійскія иллюстрированныя изданія, англійскіе техники; каждый день приносилъ султану цѣлый рядъ новыхъ развлеченій, сюрпризовъ. И несмотря на такія пріобрѣтенія европейской культуры, введеніе которыхъ сопряжено было со многими затрудненіями, пробраться изъ дворца султана въ одинъ изъ его загородныхъ садовъ во время дождя оказывается невозможнымъ, такъ какъ при этомъ легко можно утонуть въ болотѣ. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что за послѣднее время султанъ реформировалъ систему обложенія въ странѣ съ цѣлью облегчить податное бремя для населенія и значительно улучшилъ положеніе заключенныхъ въ тюрьмахъ, устройство которыхъ до тѣхъ поръ было во истину варварское.

Моклеана обвиняютъ въ томъ, что онъ, благодаря своему посредничеству, слишкомъ разбогатѣлъ. Но слухи объ этомъ преувеличены. Султанъ хорошо знаетъ цѣну деньгамъ и притомъ доставка каждаго предмета въ Марокко обходится такъ дорого, что вознагражденіе за посредничество только при покупкѣ не можетъ быть большимъ. Несомнѣнно, что Моклеанъ больше заботился объ интересахъ Англіи и о завоеваніи положенія при дворѣ султана. Англія оцѣнила его услуги и недавно дала ему титулъ баронета. После возвращенія послѣдняго марокскаго посольства изъ Европы вліяніе Моклеана ослабѣло. Очевидно, во время отсутствія послѣдняго султанъ снова подпалъ подъ вліяніе арабскихъ сферъ и по возвращеніи посольства мавръ Менеби, стоявшій во главѣ въ качествѣ военнаго министра, получилъ преобладающее значеніе при дворѣ султана. Благодаря вліянію этого вполнѣ интеллигентнаго человѣка, лично познакомившагося съ европейцами, для послѣднихъ не были навсегда закрыты двери султанскаго дворца, какъ этого можно было одно время ожидать. Султану, несомнѣнно, было бы лучше безъ европейцевъ, но при всемъ томъ все осталось по старому.

Кромѣ придворнаго шута, довольно невзрачнаго араба съ татарскими чертами лица, во время нашей бесѣды съ султаномъ присутствовалъ изъ туземцевъ лишь одинъ Менеби, человѣкъ лѣтъ 27, очень ловкій, умный и преданный слуга султана. Общее наше впечатлѣніе было, что это человѣкъ съ великой будущностью.

„Я хотѣлъ бы знать, — говорилъ намъ про него одинъ изъ иностранныхъ консуловъ, — когда онъ спитъ. Арабы вообще рано встаютъ, и утромъ въ 5 часовъ онъ уже у султана; до обѣда онъ обязательно присутствуетъ при пріемѣ султаномъ туземныхъ сановниковъ и послѣ того онъ самъ принимаетъ чиновниковъ во дворцѣ иногда до поздней ночи". Удивительно, что теперь про него ничего не слышно въ Европѣ, но я увѣренъ, что онъ является душою всѣхъ начинаній марокскаго правительства. Во время завтрака, даннаго султаномъ во дворцѣ въ честь своихъ европейскихъ гостей, я имѣлъ возможность ознакомиться съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Абдулъ-Слиманомъ и министромъ финансовъ, имя котораго улетучилось изъ моей памяти. Оба — любезные старики, которымъ очень къ лицу ихъ бѣлоснѣжное арабское платье. При дворѣ они рѣдко появляются, но европейцы всегда находятъ къ нимъ дорогу, когда нужно обдѣлывать какія-либо дѣла.

При дворѣ марокскаго султана имѣются представители Франціи, Германіи, Англіи (вышеупомянутый Моклеанъ) и Испаніи. Изъ европейцевъ, наиболѣе близкихъ теперь къ султану, слѣдуетъ на первомъ планѣ поставить англичанина Гарриса, который считается даже другомъ султана. Причину этой дружбы слѣдуетъ прежде всего искать въ томъ обстоятельствѣ, что Гаррисъ хорошо владѣетъ арабскимъ языкомъ и можетъ, слѣдовательно, объясняться съ султаномъ безъ переводчика. Затѣмъ Гаррисъ вообще большой знатокъ и любитель востока, умѣетъ занимать султана, а когда этого требуютъ обстоятельства, то и держаться на приличномъ разстояніи, которое должно отдѣлять обыкновеннаго смертнаго отъ его султанскаго величества. Необходимо помнить, что султанъ особенно недоволенъ, если кто-либо покушается нарушить установленный при его дворѣ этикетъ. Гаррисъ живетъ на счетъ султана, но за-то постоянно помѣщаетъ въ англійскихъ газетахъ статьи о немъ и его странѣ. Представленіе, которое Европа имѣетъ о марокскомъ султанѣ, составилось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ статей Гарриса. Послѣдній изъѣздилъ страну вдоль и поперекъ и, несомнѣнно, является лучшимъ знатокомъ ея въ средѣ европейцевъ.

Во время моего пребыванія въ Фецѣ въ сентябрѣ прошлаго года о фанатикѣ Бухамарѣ, предводителѣ послѣдовавшаго теперь возстанія, тогда ничего не было извѣстно. Но броженіе уже замѣчалось. Правительство уже тогда ожидало всеобщаго взрыва религіозной вражды, которая обыкновенно проявлялась только въ опредѣленное время года со стороны сектъ гамдуши и эйсони. Первое извѣстіе о томъ, что отдѣльныя секты запасаются съѣстными припасами, заключаютъ между собою договоръ и исправляютъ свое оружіе, пришло изъ еврейскаго квартала въ Фецѣ, куда это извѣстіе было принесено бѣглецомъ изъ лагеря возставшихъ. Европейцы были за себя совершенно спокойны. Опытъ прошлаго не давалъ повода безпокоиться. Первое время опасались, что фази, т. е. коренные жители города Феца, возстанутъ первыми, когда начнутся безпорядки. Но теперь уже выяснилось, что городъ сохранитъ спокойствіе до тѣхъ поръ, пока претендентъ не одержитъ рѣшительной побѣды. Кромѣ несчастнаго Купера, который былъ убитъ еще до начала возстанія, ни одному изъ европейцевъ до сихъ поръ не причинено ни малѣйшаго вреда. Остается надѣяться, что такъ будетъ и дальше.

Какъ надо интервьюировать.

Интервью — одно изъ тѣхъ занятій газетнаго работника, которыя съ виду очень несложны, а на самомъ дѣлѣ требуютъ

М. Т. Рейнвальдъ,
сестра общины св. Георгія въ С.-Петербургѣ, находящаяся во временной командировкѣ въ Софіи.

М. Н. Бахметева,
супруга русскаго дипломатическаго агента въ Софіи, предсѣдательница комитета въ Софіи по оказанію помощи македонцамъ.

П. К. Чехова,
сестра общины св. Георгія въ С.-Петербургѣ, находящаяся во временной командировкѣ въ Софіи.

Съ фотографій Коростоянова въ Софіи, въ Болгаріи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Комитетъ по оказанію помощи македонскимъ бѣглецамъ на пути изъ Софіи въ Дубницу. — Комитетъ состоитъ изъ г-на Бахметева, русскаго дипломатическаго агента въ Софіи и его супруги, двухъ русскихъ и двухъ болгарскихъ сестеръ милосердія и секретаря г. Чапрошикова.

Раздача пособій македонскимъ бѣглецамъ въ сел. Драгодинѣ.

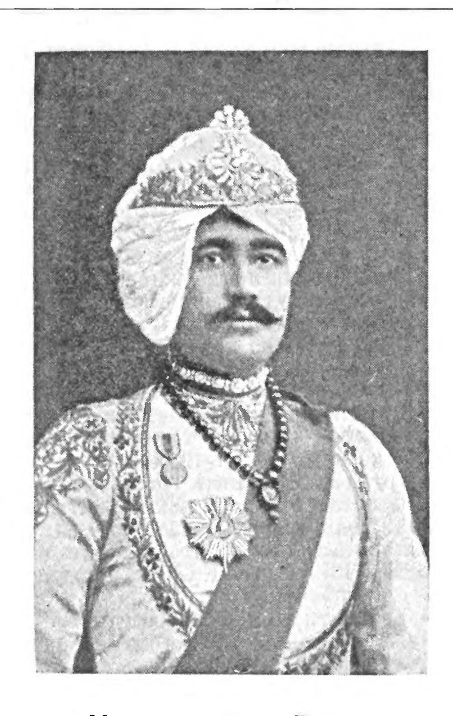
Македонскіе бѣглецы въ сел. Рилѣ.

Македонскіе бѣглецы, нашедшіе пріютъ въ Рильскомъ монастырѣ.

Къ событіямъ въ Македоніи.

Съ фотографій Коростоянова въ Софіи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Магараджа Кудъ-Бегара.

Магараджа Панивъ.

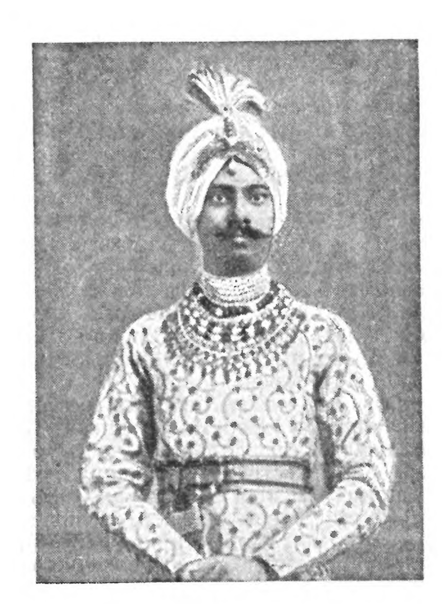

Магараджа Идара.

большого напряженія умственныхъ силъ, ловкости и такта. Обычай опроса выдающихся или интересныхъ лицъ по тѣмъ либо инымъ вопросамъ дня такъ развился за послѣднее время въ нашихъ столицахъ, какъ и въ провинціи, что не лишнее ознакомить начинающихъ интервьюеровъ съ тѣми выводами, къ какимъ пришелъ, на основаніи долголѣтняго опыта, извѣстный вѣнскій журналистъ Alfred Deutsch-Germann. Вотъ что онъ пишетъ:

* * *

„Пославъ предварительно письмо и получивъ отвѣтъ съ указаніемъ такого-то дня и часа, я являюсь къ интересующему меня субъекту и начинаю бесѣдовать на тему. Задача сводится главнымъ образомъ къ тому, чтобы опрашиваемое лицо не замѣтило, что оно подвергается допросу со спеціальной цѣлью воспроизвести потомъ весь разговоръ въ печати. Поэтому интервьюеру лучше всего держать руки въ карманахъ: положимъ, это не слишкомъ изящно, но за-то собесѣдникъ будетъ спокоенъ. Сколько разъ приходилось мнѣ выслушивать отъ государственныхъ людей просьбу „не записывать“—они боялись, что я „дословно“ напечатаю нашу бесѣду! Итакъ, первое требованіе, предъявленное къ интервьюеру,—это обладаніе сильно развитой памятью.

Магараджа Прадіотъ.

Было бы ошибкой начинать разговоръ съ той темы, которая является цѣлью свиданія: надо, чтобы опрашиваемое лицо само затронуло ее. И еще одно должно твердо помнить: пусть интервьюируемому кажется, что вся Европа, весь міръ прислушивается къ его рѣчамъ и боится проронить словечко! Впрочемъ, важныя особы любятъ прикинуться равнодушными: имъ-де вовсе не важно, чего отъ нихъ ждетъ вселенная, и нѣтъ никакой охоты дѣлиться своими мыслями.

Интервью можетъ считаться „выгорѣвшимъ“, когда оно до конца велось въ тонѣ непринужденной болтовни и въ то-же время богато фактическими свѣдѣніями. Таковъ мой опытъ; приведу и примѣръ. Одна изъ самыхъ удачныхъ бесѣдъ была у меня съ Бертой Суттнеръ. Мы говорили въ теченіе часа обо всемъ. Но когда въ комнату вошелъ супругъ писательницы въ сопровожденіи пріятеля, которому онъ показывалъ свой паркъ, баронесса сказала: „Ты слишкомъ рано, мы пока только

Непальскій магараджа.

Джейпурскій магараджа.

Багавальпурскій набобъ.

Къ коронаціоннымъ торжествамъ въ Дели

(См. „Огонекъ“ № 3, стр. 17).

болтали; а теперь приступимъ къ серьезной бесѣдѣ. Вотъ бумага и карандашъ".

Но я уже успѣлъ узнать отъ Суттнеръ все, что меня интересовало. Интервью было окончено.

Упомянувъ объ успѣхѣ, считаю нужнымъ описать и одну изъ постыдныхъ неудачъ. Въ Вѣну прибылъ маркизъ Ито; о немъ хотѣлъ знать весь міръ. Я послалъ карточку и получилъ приглашеніе явиться въ три часа пополудни. Встрѣтившій слуга провелъ меня въ пріемную и сообщилъ, что „его превосходительство проситъ предъявить ему рекомендательное письмо министра иностранныхъ дѣлъ". Я былъ пораженъ: къ министру я не имѣлъ никакого хода. Тѣмъ не менѣе я сталъ шарить по карманамъ, но, конечно, искомаго не нашелъ.

Маркизъ, однако, оказался неуступчивъ. Пока я ожидалъ рѣшенія, въ пріемную вошелъ самъ Ито; отвѣтивъ на поклонъ, онъ молча выслушалъ мою просьбу. „Его превосходительство не говоритъ по-нѣмецки",— сказалъ секретарь. Я прибѣгъ къ французскому. „Его превосходительство не владѣетъ французскимъ языкомъ". Низкій поклонъ и обращеніе по-англійски... съ такимъ же успѣхомъ. Провожая къ выходу, секретарь пытался меня утѣшить тѣмъ, что маркизу дѣйствительно предложено никого не принимать безъ рекомендаціи министра иностранныхъ дѣлъ.—А на какомъ языкѣ онъ съ вами говорилъ объ этомъ?--На французскомъ,— отвѣтилъ секретарь и добавилъ: впрочемъ, не скрою отъ васъ: его превосходительство свободно владѣетъ и нѣмецкимъ: вѣдь онъ учился въ Боннѣ.

То была позорная неудача.

Интервьюеръ долженъ быть скроменъ и обладать чувствомъ такта—условіе не легкое, когда приходится бесѣдовать съ политическимъ дѣятелемъ объ иноземномъ правительствѣ, съ ученымъ—о его товарищахъ по призванію, съ актеромъ—о его антрепренерѣ. Нельзя печатать всего того, что порою подсказано интервьюируемому его пылкимъ темпераментомъ. „Все примѣчать, а лучшее—запомнить", —таковъ девизъ интервьюера, желающаго избѣжать опроверженія.

Опроверженіе для него хуже чумы: оно обозначаетъ, что онъ либо не понялъ сказаннаго (значитъ—глупъ!), либо напечаталъ то, чего не слышалъ (значитъ, лжецъ). Никогда не слѣдуетъ оставлять опроверженій безъ отвѣта; правда, ихъ содержаніе порою баснословно. Однажды я упомянулъ о „котѣ, который мурлыкалъ, сидя въ ларѣ". Письмомъ въ редакцію было заявлено, что, во-первыхъ, не котъ, а кошка, а во-вторыхъ, сидя въ ларѣ, животное никогда не мурлычитъ. Однако, я бросилъ это возраженіе въ корзину: читатель не долженъ былъ усумниться въ моихъ натуралистическихъ познаніяхъ.

Наиболѣе рискованнымъ я считаю опросъ тѣхъ особъ, которыя любятъ разгорячить интервьюера до послѣдней степени, а потомъ сразу окатить его ледянымъ душемъ. Пришлось мнѣ, напримѣръ, бесѣдовать съ венгерскимъ министромъ-президентомъ Шеллемъ; онъ обогатилъ меня массой любопытныхъ свѣдѣній, но закончилъ разговоръ такъ: „Сообщаю вамъ обо всемъ этомъ, какъ частному лицу; ни одно слово не должно попасть въ газету, иначе я напечатаю опроверженіе. Итакъ... безъ интервью, не правда-ли?"

Такихъ случаевъ множество. Публика же неблагодарна: она вѣритъ лишь тому, что можетъ прочесть.

Непосвященный скажетъ, что интервью забава, а не трудъ. Такъ думаютъ фельетонисты и критики, передовики и хроникеры. А между тѣмъ, сколько усилій приходится тратить на то, чтобы достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ, какой подготовкой надо обладать, чтобы направить бесѣду именно на тѣ пути, которые интересны читателю. „Вы помните, конечно, ту рѣчь, которую я произнесъ 6 января 1892 года?"—спрашиваетъ меня „особа". Увы! одиннадцать лѣтъ спустя я ничего не могъ сказать объ этой знаменательной рѣчи, и сановникъ былъ очень недоволенъ. „Вы хотите побесѣдовать со мною? А скажите, знакомы ли вы съ моими трудами, о...?" Нѣтъ, не знакомъ. — Въ такомъ случаѣ, — говоритъ ученый,—я пришлю ихъ вамъ на домъ: ознакомтесь и пожалуйте ко мнѣ послѣ завтра". Двѣ ночи напролетъ за книгой— и потомъ экзаменъ, который я сдалъ удовлетворительно. Только тогда ученый согласился отвѣчать на мои вопросы.

Еще труднѣе справиться съ „молчальникомъ". Припоминаю бесѣду съ извѣстнымъ вѣнскимъ художникомъ. „Встрѣчались ли вы съ Макартомъ?"—Да.—„А были дружны?"—Да.—„Также и въ частныхъ сношеніяхъ?"--Да.--„Составилось ли у васъ опредѣленное мнѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ и художникѣ?"—Да.—„Въ дружескомъ кружкѣ всегда-ли онъ былъ молчаливъ?"—Да.—„А наединѣ съ вами—также?"—Да.

Я не могъ удержаться отъ замѣчанія: „Въ такомъ случаѣ ваши бесѣды должны были быть весьма занимательны". Художникъ расхохотался и сталъ гораздо сообщительнѣе.

Нельзя передавать бесѣды дословно: измѣненія иногда необходимы. Покойный Крафтъ-Эбингъ былъ допрошенъ много о значеніи Ибсеновской „Норы" съ точки зрѣнія нервной патологіи. „Признаюсь, я не читалъ Ибсена и нисколько не интересуюсь имъ",—сказалъ онъ мнѣ.—Но я понялъ, что мысль ученаго не соотвѣтствовала его словамъ: онъ только не признавалъ тѣхъ патологическихъ теорій, которыя исходили отъ профановъ. Напечатай я его отвѣтъ дословно, не избѣжать бы мнѣ опроверженія.

Однимъ изъ моихъ первыхъ интервью была бесѣда съ „опереточной дивой". Когда я явился въ назначенный часъ, то засталъ ее въ постели. Къ нашему разговору примѣшивался чей-то храпъ; онъ доносился съ другой кровати, стоявшей у окна. „Это мой импрессаріо,—объяснила дива,—но пожалуйста, не пишите, что мы помѣщаемся въ одной комнатѣ".

Раздраженный неблагосклонными отзывами, актеръ просилъ меня: „напечатайте съ моихъ словъ, что мнѣ наплевать на критиковъ!" Но я предвидѣлъ, что онъ раскается въ своей откровенности, и не упомянулъ о ней въ газетѣ.

Почетное пораженіе нанесъ мнѣ Маркъ Твэнъ: когда наша бесѣда приблизилась къ концу, онъ сказалъ мнѣ, сохраняя совершенно серьезное выраженіе лица: „Вы четвертый интервьюеръ, посѣтившій меня сегодня; пожалуйста, упомяните, что послѣ каждаго интервью я чувствую себя положительно помолодѣвшимъ". Но я не исполнилъ его просьбы, предвидя, какъ отнесутся читатели къ такому заявленію.

Изъ жизни театральныхъ свѣтилъ.

На-дняхъ въ Лондонѣ вышла новая книга „Musicians Wit, Humor and Anecdotes C. I. Cronest". Въ ней собрано немало интереснаго матеріала о жизни театральныхъ свѣтилъ. Приведемъ нѣкоторые факты. Аделина Патти, оказывается, единственная пѣвица, удостоившаяся поцѣлуя монарха... конечно, публично. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Патти пѣла въ королевскомъ дворцѣ въ Мадридѣ. Привели и маленькаго короля. По этикету, пѣвица отдала глубокій поклонъ и поцѣловала ему руку. Но регентша-мать сказала: „Мой сынъ настолько вѣжливъ, что не позволитъ дамѣ цѣловать ему руку. Позвольте и ему васъ поцѣловать". Конечно, Патти не возражала, и Альфонсъ XIII исполнилъ долгъ кавалера.

Патти впервые застраховала свой голосъ въ 10 тысячъ рублей—отъ временной (разовой) потери голоса и въ 80 тысячъ—отъ полной. Ей теперь за шестьдесятъ лѣтъ, но только дважды она имѣла поводъ требовать страховыя суммы за временное „безголосье". Этимъ Патти обязана, вѣроятно, тому строгому режиму, котораго она придерживается съ давнихъ поръ: по утрамъ она полощетъ горло растворомъ соли, въ тѣ же дни, когда она выступаетъ на сценѣ, ничего не ѣстъ, кромѣ легкой котлетки или кусочка бифштекса, да и то съ утра; ведетъ вообще очень гигіеническій образъ жизни и т. д.

На своемъ вѣку Патти заработала немало: по крайней мѣрѣ десять милліоновъ рублей. Выдался годъ, когда она имѣла чистаго дохода семьсотъ тысячъ; а были годы славы, когда за 2—3 часа пѣнія ей платили десять тысячъ и болѣе. Въ 1870 году Ковентъ-Гарденскій театръ пригласилъ Патти на 16 гастролей, по шести тысячъ за каждую.

Даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ ей платили по 8 тыс. рублей отъ спектакля!

Эмма Кальве считала своей коронной партіей „Карменъ". Когда она выступила въ ней впервые (это было въ Парижѣ), режиссеръ театра не могъ не заявить протеста: артистка одѣвала нижнюю юбку изъ дорогого розового шелка. Работница съ сигарной фабрики не могла вѣдь себѣ позволить такой роскоши. Но артистка горячо вступилась за реальность своего костюма: она купила эту юбку въ Севильѣ... у работницы съ сигарной фабрики! Съ тѣхъ поръ, выступая въ „Карменъ", Эмма Кальве никогда не забывала одѣть этотъ своеобразный „амулетъ".

Знаменитый англійскій теноръ Ревесъ не разъ разсказывалъ объ одной курьезной встрѣчѣ на станціи желѣзной дороги: сторожъ этой станціи узналъ артиста и обратился къ нему съ такимъ вопросомъ: „Говорятъ, вы зарабатываете уйму денегъ. Пожалуй, вдесятеро больше меня?"—А вы что получаете?—съ улыбкой освѣдомился теноръ. — „Восемнадцать шиллинговъ *) въ недѣлю, круглый годъ". Теноръ открылъ ротъ: „Соль, ми, ре, соль... „Вотъ вашъ годичный заработокъ, почтеннѣйшій". Простакъ остолбенѣлъ, услышавъ такіе высокіе и „дорогіе" звуки. Ревесъ, какъ и Дженни Линдъ, въ дни представленій никогда не садились, даже ѣли стоя.

Эмма Руссель, концертируя въ одномъ испанскомъ городѣ, однажды получила коробку съ пирожными, какія пекутся въ булочныхъ не перваго разряда. На слѣдующій вечеръ — опять пирожныя; потомъ — еще... При выходѣ изъ театра Руссель, наконецъ, встрѣтила человѣка небольшого роста, который снялъ шляпу и обратился къ ней съ достоинствомъ настоящаго кастильянца. Онъ сообщилъ артисткѣ, къ ея неожиданному изумленію, что въ теченіе двадцати вечеровъ подрядъ она не сводила глазъ съ того мѣста галлереи, гдѣ сидѣлъ онъ и никто другой. Тронутый вниманіемъ пѣвицы, настоящій кастильянецъ предложилъ ей руку и сердце, кстати упомянувъ, что его мать — собственница булочнаго заведенія, а онъ единственный сынъ, которому и достанется все состояніе булочницы. Руссель была тронута, но не согласилась, однако, пожизненно наслаждаться даровыми пирожными и пирожками, хотя бы и перваго сорта.

Въ парламентѣ „по домашнему".

Конгрессъ въ Вашингтонѣ является собой самое американское изъ всего, что только есть въ Америкѣ. Онъ проникнутъ,

*) 9 рублей.

онъ дышетъ демократизмомъ. Никому не закрытъ доступъ въ это высшее государственное учрежденіе—безъ различія возраста, цвѣта, пола и безъ отношенія къ наружному виду. Нѣтъ надобности запасаться ни входными билетами, ни рекомендаціями. Никому не порученъ контроль надъ посѣтителями парламентскихъ засѣданій. Зданіе, въ которомъ помѣщается конгрессъ, очень обширно, но пропорціально въ своихъ частяхъ. Сидѣнья расположены концентрическими рядами передъ президентскимъ мѣстомъ. Республиканцы размѣщаются слѣва, демократы — справа. Каждому депутату предоставлено вращающееся кресло и широкій пультъ. Въ дни открытія конгресса эти пульты покрыты букетами цвѣтовъ: восторженные избиратели привѣтствуютъ своихъ избранниковъ. Даже на мѣстахъ, отведенныхъ представителямъ печати, можно нерѣдко видѣть живые цвѣты. Любопытно проследить за поведеніемъ сидящихъ внизу и на верху во время засѣданія и трудно исчерпать въ описаніи всѣ курьезные эпизоды, которыми послѣднія отмѣчены. Однажды, напримѣръ, въ Утахѣ избрали въ депутаты мормона, имѣющаго трехъ женъ. 300 женщинъ, заполнившія галлереи конгресса, устроили самую озлобленную демонстрацію, едва только онъ приступилъ къ выполненію своихъ обязанностей и собрался произнести рѣчь. Вообще же въ конгрессѣ все идетъ какъ-то „по домашнему". За рядами, въ меньшемъ залѣ, отдѣленномъ отъ большого тяжелой занавѣсью, устроено курительное отдѣленіе, а въ боковой комнатѣ помѣстился парикмахеръ. Съ трибуны журналистовъ видно, какъ депутаты предаются въ курительной своеобразному отдыху: они подымаютъ занавѣсъ и, потягивая толстѣйшія сигары, въ то же время прислушиваются къ тому, что говорится въ залѣ. Клубы синяго дыма вползаютъ въ большой залъ и крупными завитками подымаются къ потолку. На порогѣ парикмахерской стоитъ негръ-брадобрей и весело скалитъ ослѣпительные зубы. Если онъ не занятъ, отчего же ему и не послушать ораторовъ? Домашній характеръ обстановки дополняется присутствіемъ въ засѣданіи толпы жизнерадостныхъ малышей: одни возсѣдаютъ на колѣняхъ у отцовъ-депутатовъ; надоѣстъ—переберутся къ сосѣднему сидѣнью, которое имѣетъ уже то важное преимущество, что свободно вертится во всѣ стороны и порой даже издаетъ легкій скрипъ. Законный же владѣлецъ этого кресла принужденъ удалиться въ курительную комнату. Случалось, что не по лѣтамъ развитой мальченка, торжественно поднявъ руку сомнительной опрятности, приносилъ присягу въ вѣрности конституціи. „Можно-ли представить себѣ что-либо болѣе трогательное?"—спроситъ иностранца чадолюбивый янки. Въ конгрессѣ служатъ нѣсколько десятковъ „пажей" па посылкахъ. Когда они не заняты, то разсаживаются вокругъ президентской каѳедры и втихомолку забавляются, какъ вздумается; однако достаточно крикнуть „sergeant at-arms", чтобы призвать къ порядку. Всѣмъ разрѣшено выражать свое одобреніе. И обширный залъ полонъ жужжанья верхнихъ рядовъ, шелестомъ газетныхъ листовъ, скрипомъ перьевъ, криками „пажей", хлопаньемъ пультовъ. Надо обладать громовымъ голосомъ, чтобы покрыть этотъ шумъ и заставить себя слушать. Обыкновенно члены конгресса толпятся вокругъ ораторской трибуны, и только одни стенографы улавливаютъ подлинное содержаніе рѣчей. Такимъ образомъ, со стороны внѣшней обстановки, представительности — вашингтонскій конгрессъ одно изъ самыхъ своеобразныхъ учрежденій. Члены его одѣваются очень просто: въ сюртукахъ, съ низко вырѣзанными жилетами, бѣлыми отложными воротниками и въ мягкихъ шляпахъ, они больше походятъ на дессидентскихъ священниковъ, нежели на людей политики.

Маленькое путешествіе по Сициліи.

(Впечатлѣнія туриста).

Съ незапамятныхъ временъ Сицилія, пріютившаяся у подножія величайшаго вулкана, омываемая лазурными волнами прекраснаго моря, питала воображеніе поэтовъ. Не тамъ ли Одиссей сразился съ одноокимъ Полифемомъ и испыталъ смертельную опасность между Сциллой и Харибдой? Объ этомъ разсказывалъ три тысячи лѣтъ тому назадъ слѣпой Гомеръ, а нынѣ мы съ изумленіемъ слышимъ о романтическихъ подвигахъ „маффіи", о „сельскомъ рыцарствѣ" и т. п. несовременныхъ явленіяхъ. Кто, подготовленный этими толками, вздумаетъ посѣтить Сицилію, того ждетъ, конечно, разочарованіе: онъ встрѣтитъ лишь бѣдное племя, угнетенное безысходной нуждой. Ни красивыхъ, интересныхъ типовъ, ни даже горныхъ разбойничьихъ рожъ. Удивляться—значитъ не знать исторіи этой благословенной земли. Въ древности ее оспаривали жизнерадостные греки у предпріимчивыхъ карѳагенянъ; позже—въ теченіе пятисотъ почти лѣтъ—она стонала подъ игомъ римлянъ; въ средніе вѣка ее наводняли германцы, византійцы, мавры, норманны; еще позднѣе—нѣмцы, французы и арагонцы, въ новѣйшее время—она пережила трехсотъ-лѣтнее владычество испанцевъ, и только во второй половинѣ XIX ст. Сицилія освобождается изъ подъ власти бурбоновъ и сливается съ молодой Италіей.

Можно было бы думать, что отъ смѣшенія племенъ народится физически красивое поколѣніе. Но, очевидно, красота не разцвѣтаетъ тамъ, гдѣ царитъ нужда; и огромное большинство сицилянцевъ отличается очень незавидной наружностью. Тѣмъ не менѣе въ толпѣ не трудно отличить отдѣльныя черты той или иной расы изъ перебывавшихъ въ Сициліи: то пламенные глаза испанцевъ, то свѣтлыя кудри тевтонца, то меланхолическое лицо мавра. „Сантуцы" также не блещутъ красотой. А сициліанскіе Ринальдо? Ихъ не видно. Населеніе несомнѣнно добродушнаго нрава, миролюбивое, а разбойничество также, несомнѣнно, вызвано, главнымъ, если не единственнымъ, образомъ невыносимыми экономическими условіями народнаго быта.

Бѣдны люди, бѣдны растительность и животное царство. Въ эпоху римлянъ Сицилія слыла житницей Италіи; сохранилось преданіе, будто въ иныхъ лѣсахъ такъ сильно было благоуханіе цвѣтовъ, что охотничьи собаки сбивались со слѣда звѣря. Правда, общественные и частные сады въ Палермо поражаютъ пріѣзжаго разнообразіемъ своей тропической флоры; правда, по берегамъ тянутся густыя рощи апельсиновыхъ и лимонныхъ деревъ и среди потоковъ мертвой лавы, стекающей съ Этны, залегли полосы плодороднѣйшей земли; но за то, по мѣрѣ углубленія въ страну, передъ путешественникомъ развертываются все менѣе радостныя картины: безконечными грядами громоздятся другъ на дружку скалистыя, голыя горы; ни лѣска, ни нивы. И слышны жалобы: островъ не въ силахъ прокормить своихъ жителей, какъ ни скромны ихъ потребности. Какая тому причина? Она прежде всего въ томъ, что снѣдаемые алчностью люди истребили богатѣйшія нѣкогда лѣса и лишили страну ея естественныхъ водяныхъ резервуаровъ; кроется она еще и въ томъ, что богатые землевладѣльцы проживаютъ свои состоянія въ Римѣ и Парижѣ, предоставивъ арендаторамъ выжимать послѣдніе соки изъ нищихъ крестьянъ.

Домашнее животное царство на Сициліи представлено главнымъ образомъ осломъ; это терпѣливое созданіе выполняетъ самыя разнообразныя работы и довольствуется скуднымъ кормомъ. Крѣпкіе, широкорогіе волы идутъ въ упряжи; черныя свиньи заполняютъ переулки малыхъ городовъ. Что же касается дичи, то, если гдѣ и заведется тощая курочка, ей не спастись отъ двухъ охотниковъ, которые станутъ ее подстерегать чуть-ли не со сворой собакъ. Богата Сицилія лишь насѣкомыми—ядовитыми и безвредными.

Прошло то время, когда цвѣли и славились города въ Сициліи. Уже двадцать вѣковъ назадъ Палермо, Сиракузы, Катанія и Мессина находились на вершинѣ своего могущества. Несмотря на такую давность происхожденія, въ нихъ теперь очень мало слѣдовъ древности. Постройки по большей части новѣйшаго типа. Въ общемъ, на городахъ лежитъ отпечатокъ не столько итальянскаго, сколько испанскаго вліянія. Встрѣчаются дома съ куполами и безъ малѣйшихъ укрѣпленій стѣнами; они напоминаютъ мечети; въ иныхъ церквахъ стѣны покрыты чудной золоченой мозаикой; ея орнаменты сдѣланы въ мавританскомъ стилѣ; онѣ выстроены норманскими королями, слившими сѣверное искусство съ южнымъ, которое они восприняли у предшественниковъ—византійцевъ и мавровъ.

Что дѣйствительно прекрасно въ Сициліи—это картины природы, открывающіяся съ извѣстныхъ возвышенныхъ пунктовъ: напримѣръ, изъ древняго Кастро-Джіованни, гнѣздящагося на вершинѣ горы, или знаменитой Таормины, которая царитъ надъ моремъ, надъ снѣгами и всей облитой солнцемъ Калабріей.

Въ VIII в. до Р. Х. греки высадились на берегахъ Сициліи и основали города Сиракузы и Агригентъ (нынѣ Гиренти). Эти города расцвѣли и въ смыслѣ матеріальнаго благосостоянія, и въ отношеніи умственнаго преуспѣянія; они считали въ числѣ своихъ гражданъ Эсхила, Пиндара, Сафо и Архимеда. Еще высятся тамъ древніе храмы, плѣняющіе строгостью сочетанія своихъ линій и величавой простотой. Въ Сиракузахъ и Таорминѣ можно найти слѣды древняго театра: сидѣнья для зрителей вырублены въ скалѣ, въ глубинѣ же сцены виднѣется не размалеванный холстъ, а широкій горизонтъ прекраснаго моря! Не трудно вообразить себѣ тотъ восторгъ, который охватывалъ зрителей, когда со сцены этихъ театровъ неслись чудные стихи Софокла и Эврипида.

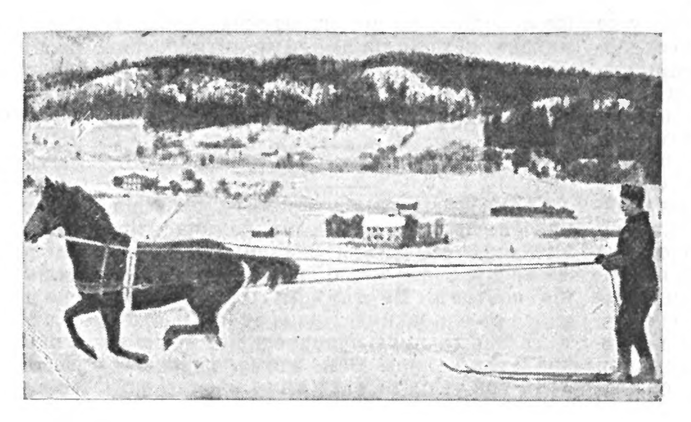
Въ древней части Сиракузъ путешественнику покажутъ цитадель, выстроенную еще тиранномъ Діонисіемъ; она богата подземными ходами и кельями. Съ вышки цитадели взоръ падаетъ на гавань, гдѣ въ 413 году до Р. Х. аѳинскій флотъ потерпѣлъ тяжкое пораженіе. Въ предмѣстьяхъ города еще лежатъ огромныя каменныя глыбы, — и онѣ служили для защиты отъ врага. Опытный гидъ-монахъ покажетъ и „ухо Діонисія"—скалу, сквозь которую, по преданію, тираннъ подслушивалъ разговоры и стоны заключенныхъ въ подземельѣ; укажетъ путешественнику и катакомбы, и амфитеатры—краснорѣчивые памятники христіанскаго мученичества. Невольное умиленіе и грусть охватятъ того, кто одаренъ хоть скуднымъ воображеніемъ и хоть немного цѣнитъ историческое прошлое.

Но вотъ монахъ вывелъ посѣтителя изъ подземныхъ галлерей, загасивъ фонарь,—и вновь предъ очарованнымъ взоромъ блещетъ бирюзовое море.

И отдыхая отъ сильныхъ впечатлѣній, путешественникъ по Сициліи повторяетъ знаменательное изреченіе римскихъ мудрецовъ: „carpe diem!"—наслаждайся днемъ...

Новый норвежскій спортъ.

Два года назадъ на первыхъ сѣверныхъ играхъ въ Стокгольмѣ былъ испытанъ новый видъ спорта: бѣганье на лыжахъ вслѣдъ за лошадью. Впрочемъ, названіе спорта было бы не совсѣмъ точно: подобное упражненіе имѣло чисто практическое значеніе для военной службы въ зимнее время. Въ нашемъ отечествѣ, съ его безконечными снѣжными равнинами, бѣганье на лыжахъ издавна примѣняется крестьянами. Такой способъ передвиженія очень удобенъ, такъ какъ даетъ возможность человѣку со средними силами пробѣгать довольно большія разстоянія по глубокому снѣгу. Одному лапландцу, напримѣръ, удалось пройти на лыжахъ болѣе двухсотъ верстъ безъ отдыха. Но съ другой стороны, это движеніе не достигаетъ значительной быстроты. Вотъ почему присоединеніе лошадиной силы, не требующее никакихъ сложныхъ приспособленій, является очень умѣстнымъ въ лыжномъ бѣгѣ. Оно получило уже примѣненіе въ шведской арміи. Какъ показано на нашемъ рисункѣ, отъ ходока на лыжахъ требуется лишь умѣнье править лошадью при помощи очень длинныхъ возжей. Нужно лишь соблюдать равномѣрность движенія, и конечно, сохранять равновѣсіе.

Новый норвежскій спортъ.—На лыжахъ за конемъ.

Борьба съ насѣкомыми въ Австраліи.

Вооруженныя для успѣшной борьбы съ грозными силами природы и нерѣдко побѣдители въ бою съ ними, мы зачастую оказываемся совершенно безсильными передъ ничтожными, на первый взглядъ, препятствіями и такими же ничтожными, сравнительно съ нами, существами. Напримѣръ, насѣкомыя. Когда они соединяются въ полчища, въ тучи, и идутъ войной на наши поля, сады, огороды, каждый хозяинъ испытываетъ чувство мучительной тревоги. Саранча, майскій жукъ, филоксера, полевыя мыши—вотъ опасные враги земледѣльца. Въ Европѣ изобрѣтены кое-какія дѣйствительныя средства къ борьбѣ съ ними, но въ странахъ, въ которыхъ культура еще не слишкомъ высока, а населеніе разбросано, насѣкомыя причиняютъ много бѣдъ. Одна изъ такихъ странъ — Австралія. Ея поля и сады изъ года въ годъ терпятъ отъ ночныхъ бабочекъ. Порою населеніе лишается плодовъ полугодичной работы; посѣвы гибнутъ отъ нашествій многомилліонной орды легкокрылыхъ. Какъ будто облака закрываютъ небо, и воздухъ переполняется своеобразнымъ шумомъ безчисленныхъ крылышекъ, словно возвѣщающихъ грядущее горе. Но въ той же Австраліи придумали практическое средство, которое способно достигнуть извѣстныхъ положительныхъ результатовъ, а потому заслуживаетъ описанія. Снарядъ для истребленія бабочекъ состоитъ изъ фонаря, водруженнаго на раздвижномъ шестѣ 10—12 метровъ длины и источника ацетиленоваго свѣта. Какъ только сгустятся сумерки, фонарь устанавливается въ томъ мѣстѣ, которое ожидаетъ нападенія врага, – и волны ослѣпительнаго свѣта прорѣзываютъ тьму на далекое пространство Конечно, ночныя бабочки спѣшатъ къ источнику свѣта летятъ къ нему тысячами, десятками тысячъ. Но подъ фонаремъ разложены костры. Люди, вооруженные широкими, но легкими шестами, бьютъ по густой массѣ бабочекъ и повергаютъ ихъ въ пламя. Завязывается ожесточенный „бой бабочекъ“, онъ стихаетъ лишь черезъ нѣсколько часовъ, когда остатки непріятеля отступятъ съ поля сраженія. Снарядъ переводятъ на другое мѣсто, нѣсколькими милями дальше, чтобы возобновить борьбу. Конечно, описанный пріемъ сравнительно примитивенъ, но ему, пожалуй, должно отдать предпочтеніе передъ другими выдумками, хотя и болѣе эффектными, за-то и чисто теоретическими.

Истребленіе насѣкомыхъ съ помощью электрическаго фонаря на австралійской плантаціи.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М Проппер.